

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ: КОММЕНТАРИИ И РАССУЖДЕНИЯ

В.В. Бубликов, Е.А. Варшавер, В.В. Степанов

Василий Валерьевич Бубликов | <http://orcid.org/0000-0001-5899-1028> | v.bublikov@mail.ru | к. соц. н., доцент | независимый исследователь (Чикаго, США)

Евгений Александрович Варшавер | <http://orcid.org/0000-0002-5901-8470> | varshavere@gmail.com | к. соц. н., старший научный сотрудник группы исследований миграции и этничности Института прикладных экономических исследований | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Валерий Владимирович Степанов | Scopus ID 7402659994 | eawarn@mail.ru | к. и. н., ведущий научный сотрудник центра этнополитических исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

переписи населения, конструктивизм, примордиализм, национальность, этничность, множественная идентичность, онтология, национальная принадлежность

Аннотация

В публикации представлено обсуждение статьи В.А. Тишкова “О переписывании народов, или деконструкция переписей населения”, в которой автор с позиции социального конструктивизма рассматривает современный опыт проведения переписей населения в мире, анализирует итоги переписи 2020–2021 гг. в России, а также вносит предложения на предмет принципов учета этнического состава населения и проведения переписей в части фиксации этничности (национальности). Данный ряд проблем находит освещение в комментариях: “Что показывает вопрос о “национальности” в российских переписях?” (В.В. Бубликов), “Перепись через призму конструктивистского подхода к этничности” (Е.А. Варшавер), “Наблюдаемое общество: регистр вместо переписи” (В.В. Степанов).

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС (исполнитель Е.А. Варшавер)

Статья поступила 01.05.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.07.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бубликов В.В., Варшавер Е.А., Степанов В.В. Деконструкция переписей населения: комментарии и рассуждения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 212–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040097> EDN: HJPWNK

Bublikov, V.V., E.A. Varshaver, and V.V. Stepanov. 2023. Dekonstrukttsiia perepisei naseleniia: kommentarii i rassuzhdeniia [Deconstruction of Population Censuses: Comments and Considerations]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 212–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040097> EDN: HJPWNK

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ВОПРОС О “НАЦИОНАЛЬНОСТИ” В РОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЯХ?

В.В. Бубликов

Результаты переписи населения России 2020–2021 гг. продемонстрировали необходимость переосмысления и корректировки ее методологического инструментария в аспекте фиксации “национальной” идентичности жителей и самой практики подготовки и проведения переписи. С одной стороны, организаторы прошедшей переписи предприняли попытку повысить уровень доступности и удобства этого процесса для жителей страны (внедрение нескольких способов участия, включая и самостоятельное заполнение анкеты на сайте “Госуслуги”), что теоретически должно было сделать ее формат всеобщим и потенциально увеличить достоверность полученных данных. Но, с другой стороны, практика проведения переписи выявила ее “тонкие места”, одним из которых стала фиксация “национальности”. Поэтому статья академика В.А. Тишкова является не просто актуальным в гносеологическом смысле текстом, но и крайне необходимым “разбором полетов” на будущее, рефлексией ученого на предмет переписи в прикладном аспекте.

Безусловным достоинством статьи является осмысление отечественного опыта переписи населения в глобальном контексте: как в рамках современных рекомендаций ООН по фиксации этничности, так и в отношении опыта некоторых стран, в том числе и тех государств, методологический инструментарий которых еще в недавнем прошлом практически совпадал с российским (страны Центральной и Восточной Европы). Я полагаю, что статья Валерия Александровича дает своеобразный старт экспертной дискуссии, и я благодарен автору и редакции “Этнографического обозрения” за возможность высказать свое видение поднимаемых в ней вопросов и проблем.

Необходимо признать, что перепись 2020–2021 гг. стала наименее качественной за всю постсоветскую историю России, и, как следствие, валидность ее результатов вызывает большие сомнения. Приведу лишь два факта. Во-первых, по данным традиционного постпереписного социологического замера, выполненного сотрудниками “Левада-Центра”*, доля жителей, непосредственно участвовавших в переписи, составила всего 46% (для сравнения: после переписи 2002 г. аналогичный опрос показал 73%, в 2010 г. – 72%,) (Захаров, Чурилова 2021). Во-вторых, число людей с “незафиксированной национальностью” составило беспрецедентные 16,3 млн человек (в сравнении с 1,5 млн в 2002 г. и 5,6 млн – в 2010 г.), и это в подавляющем большинстве – не какие-то мифические “инокультурные мигранты”, отказавшиеся от участия в переписи, а жители с количественно примерно той же структурой идентичностей, что и население с учтенной национальностью.

В.А. Тишков справедливо отмечает: “Фактически без дополнительных объяснений и разысканий пользоваться этими данными очень сложно”. Столь масштабный недоучет по признаку “национальности” создает благодатную почву для манипуляций абсолютными цифрами переписи в духе мифического “вымирания русских” или иных псевдоапокалиптических прогнозов, что уже приходилось видеть даже в солидных изданиях по итогам переписи 2010 г. (об этом см., напр.: Ефремов 2016).

Разумеется, причинами низкого качества переписи 2021 г. нельзя считать только особенности методологии фиксации этничности населения – они гораз-

* АНО “Левада-Центр” внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

до глубже¹; но, по моему мнению, вопросы методологии также внесли свою лепту в полученные результаты – 16 млн лиц с “неизвестной национальностью”. Начать хотя бы с непоследовательности организаторов переписи. Росстат, наконец прислушавшийся к экспертному сообществу, разрешил фиксацию двойной национальности – “через запятую”, но об этом новшестве могли узнать только пользователи, принимавшие участие в переписи на сайте “Госуслуги”. В печатном варианте анкеты, с помощью которой было переписано большинство опрошенных, никаких разъяснений о возможности учета двух национальностей вообще не содержалось. В итоговых же результатах Росстат вообще отказался от публикации данных о количестве лиц, указавших двойную национальность, хотя никаких технических трудностей в этом нет, – подсчитывает же Росстат данные о нескольких источниках средств к существованию. Как пишет В.А. Тишков, “объявленный в переписи 2020 г. вариант возможной записи второй национальности через запятую в одной и той же строке в конечном итоге был просто проигнорирован при машинном подсчете, т.е. превратился в тривиальный обман переписываемых”.

В целом попытка “усидеть на двух стульях” закончилась, как ей и полагается: нововведение было имплементировано частично, фактически без информационного сопровождения, а результаты – не опубликованы. Впрочем, последнее, вероятно, и к лучшему, так как собранные с такими методологическими нарушениями данные о количестве лиц с двойной национальностью только вводили бы в заблуждение.

При этом многие чиновники (вслед за поборниками этнической гомогенности среди националистов всех мастей), выступающие против сбора данных о полиэтнических жителях, почему-то воспринимают саму возможность фиксации двойной этничности чуть ли не как угрозу. В.А. Тишков пишет, что “этническое многообразие чаще всего связывается с рисками для государственного строительства”, но в реальности *“этническое многообразие и культурная сложность – это ресурсы и даже условия успешного и мирного развития как общества, так и отдельного человека* (курсив в оригинале. – В.Б.)”.

Анализируя опыт иных, весьма успешных во всех отношениях стран (напр., Канады), Валерий Александрович справедливо подчеркивает: “Фиксация множественной идентичности... дает более сложную картину и в какой-то степени смягчает межгрупповые границы в среде одной гражданской нации”. Развивая эту мысль, я с Г.Г. Ермак еще накануне переписи отмечал, что

российскую многонациональность можно трактовать не только как наличие большого числа этногрупп, в том числе и автохтонных, но и как наличие не меньшего числа переходных, смешанных сообществ с несколькими этноидентичностями. Само существование значительной части населения, имеющей множественную этничность, является самым лучшим доказательством гармоничности межэтнических отношений в социуме, низкой социальной дистанции между этногруппами, может выступать одним из связующих элементов гражданской нации (Бубликов, Ермак 2021: 13).

Однако проблемы с фиксацией национального состава населения страны начинаются даже не с возможности указания “двойной национальности” (так как, по данным соцопросов, это нововведение актуально только для примерно 15% россиян), а именно с формулировки самого вопроса в анкете переписного листа. Что же организаторы переписи пытались выяснить из ответов жителей на вопрос: “Ваша национальная принадлежность?”

Одним из ключевых принципов социологии (а перепись населения по факту – наиболее масштабное социологическое исследование) является недопущение двойных трактовок вопроса. Исследования ИЭА РАН, проведенные в 2019 г.,

показали, что 20,5% россиян на вопрос: “Национальность – это гражданство или принадлежность к народу?” – дали ответ “гражданство” (соответственно 74,5% выбрали “принадлежность к народу”) (Степанов 2019: 142). В.В. Степанов, отмечая превалирование числа респондентов, трактующих “национальность” как этничность, выступил против ухода от “национальности” к “этничности”, аргументируя это опорой “на устойчивую российскую традицию” и тем, что “для массы людей данный термин (этничность. – В.Б.) остается непривычным и даже неизвестным” (Там же: 140).

Но, с точки зрения чистоты социологического эксперимента, 1/5 часть респондентов – это огромная величина (в масштабах России – несколько десятков миллионов человек), и получается, что эти люди отвечали, по сути, на вопрос о гражданстве, а не об этничности. Почему было не пойти по опыту Польши, о котором пишет В.А. Тишков, и хотя бы в скобках к вопросу не добавить уточнение – “не путать с гражданством”?

Выход этничности на первый план интуитивно подталкивал бы население к ответу на вопрос именно об этнической принадлежности, а не гражданской. Но, к сожалению, последняя перепись населения в этом смысле стала очередной упущенной возможностью. Сложно не согласиться с В.А. Тишковым, отмечаящим: «Это большая ошибка – призывать вернуться к прошлой трактовке категории “национальное” как заместителя “этнического” вместо движения в сторону этничности и разведения последней с национальным или хотя бы его равнозначным употреблением».

Однако В.А. Тишков проецирует тенденции в соотношении общегражданской и этнической идентичности в таких странах, как Великобритания и Канада, на российские реалии, с чем я не совсем согласен. Он пишет:

Это поучительные данные (результаты переписи Англии и Уэльса 2021 г. – В.Б.) о сложных идентификациях, особенно о соотношении британскости и английскости, прямо напоминающие отечественную дихотомию “российский и русский”. Многое нам подсказывает, что в России все больше жителей страны будут определять себя как “россияне”, и нынешние 1,2 млн человек (по моим данным, таковых в первичных материалах опроса было значительно больше) – *это только начало роста приоритета общероссийской гражданской идентичности, которую уже ныне многие считают именно своей национальной идентичностью* (курсив в оригинале. – В.Б.).

Однако дело в том, что в анкете переписи Англии и Уэльса вопросы о *национальной* и *этнической* идентичности – это *разные* вопросы². Там организаторы переписи таким образом соблюли ключевой методологический принцип, о котором я писал выше, – избегать разных трактовок вопроса респондентами³. Соответственно, если принимать во внимание английский опыт, то в России также можно было бы “развести” вопросы об этничности и национальности и спрашивать жителей отдельно о национальной (в значении гражданской) и этнической идентичности. Но, конечно, это только окончательно запутало бы людей, поэтому оптимальным мне кажется постепенный “дрейф” в сторону именно этнической идентичности, как и предлагает В.А. Тишков.

Вместе с тем, безусловно, принцип свободного *определения* и, что немаловажно, *формулирования* этнической идентичности должен не просто соблюдаться, а быть поставлен во главу угла. А это значит, что в итогах переписи мы будем видеть не только “россиян”, но и “древних русичей”, “евразийцев” и прочих “жителей вселенной”⁴, и эти идентичности также, по моему мнению, не следует скрывать в финальных результатах, ведь так будет повышаться доверие к самой процедуре.

Однако ключевой момент заключается в том, что мы пытаемся выяснить, задавая вопрос о “национальной” принадлежности, – этническую или граждан-

скую идентичность? Еще раз подчеркну: на мой взгляд, организаторы должны стремиться избегать двойной трактовки. Пока же результаты переписи являются несколько смешанными: часть респондентов, отвечая на вопрос о “национальности”, указала свою этничность, другая (пусть и меньшинство) – гражданскую идентичность. Но значит ли это, что те, кто выбрали этничность, не имеют гражданской идентичности, а те, кто указал гражданскую, – не имеют этнической? Разумеется, нет. Просто обе группы по-разному поняли один и тот же вопрос, что является серьезным нарушением с точки зрения валидности полученных данных.

Наконец, нельзя забывать, что значительной частью населения (да и многими “экспертами”, о чем также пишет Валерий Александрович) этноним “русские” используется именно в гражданском значении, а не в этническом. Отсюда многочисленные примеры записи “русскими” исходя из общественно-политической мотивации, при этом в реальности эти люди вполне могут этнически идентифицировать себя иначе. Особенно это характерно для фенотипически мало отличительных от русских и/или стигматизированных политически этногрупп. Например, показательно в этом ключе даже само название статьи сибирских этнологов: «“Мы украинцы, хотя пишемся русские...”»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX — начала XXI века» (*Октябрьская и др.* 2015).

В связи с этим я не совсем разделяю тезис В.А. Тишкова о “всегда присутствующей в истории страны добровольной ассимиляции в пользу русских потомков смешанных браков”. Иными словами, безусловно, примеры “добровольной ассимиляции” имели и имеют место быть, однако, например, исследования российских украинцев заставляют меня усомниться в том, что все переходы из миноритарных этногрупп в группу “русские” укладываются в термины “добровольная” и даже “ассимиляция” (*Бубликов* 2023).

Так, исследуя жителей России с двойной русской и украинской идентичностью (а это, вероятно, самая крупная биэтническая группа в стране), мы получили показательные результаты. Отвечая на вопрос: “По каким причинам вы считаете себя русским/русской?”, – 66% опрошенных выбрали вариант “по стране проживания (гражданству)”, а среди причин идентификации с украинцами доминирует ответ “по происхождению, родителей” – 76% (*Бубликов, Свидовская* 2022). Получается, что какая-то часть жителей России записывается “русскими”, подразумевая значение “россиянин”, по сути, указывая гражданскую идентичность либо стремясь продемонстрировать политическую лояльность, а эксперты и чиновники затем трактуют эти цифры чисто в этнокультурном значении.

Возвращаясь к вопросу о последней переписи населения, нужно отметить следующее: несмотря то, что ее методологические лакуны вызывают критику, а полученные результаты – довольно низкого качества, в любом случае на ближайшие годы итоги переписи 2020–2021 гг. – это *единственный* источник информации о “национальном” составе страны. Но как этот источник использовать? Ведь, как пишет В.А. Тишков, «доля “лиц без национальности” составила 11,3% от численности населения страны, и это существенно подрывает достоверность всех данных об этническом составе».

Ситуация усложняется тем, что величина недоучета в разных субъектах РФ варьируется от нуля (!) в Чеченской Республике до 26% в Ханты-Мансийском АО⁵. Лидерами по недоучету стали также Москва – 23%, Республика Коми – 22%, Ямало-Ненецкий АО – 21%, Приморский край и Рязанская область – по 20%. Причем высокая доля населения с неучтенной национальностью характерна не только для “мигрантоемких” регионов (как ХМАО или Москва), но и для “рядо-

вых”, а иногда и откровенно экономически депрессивных регионов (Костромская и Томская области, Республика Хакасия – по 19%). А вот в республиках Кавказа и Поволжья⁶ жителей с “неизвестной национальностью”, напротив, мало. Помимо отмеченного выше феномена Чечни это, например, Дагестан – 1,5%, Башкирия – 1,6%, Татарстан – 2,5%, Кабардино-Балкария – 2,6% и т.д.

Эти диспропорции в величине недоучета искажают не только абсолютные, но и относительные данные по стране в целом. Ведь большой недоучет в “русских” субъектах РФ и некоторых республиках (Коми, Хакасия, Удмуртия) снижает долю соответствующих этногрупп и повышает долю тех народов, в регионах проживания которых недоучет был небольшим. Как же быть? Как в такой ситуации использовать результаты переписи?

На мой взгляд, возможный выход заключается в расчете проекции этнической структуры учтенного населения на жителей с “неизвестной национальностью”, ведь самая главная причина недоучета, как подчеркивает В.А. Тишков, – отсутствие данных о национальности «в паспортных и прочих “столах”», а не то, что у переписываемых “нет национальности или они не желают ее называть”. И чем более детальным, дробным по административно-территориальным единицам будет этот расчет, тем более точные данные для страны в целом он покажет. В идеале его можно было бы выполнить на муниципальном уровне, затем свести в региональный и, наконец, – в общероссийский. В таком случае данные переписи покажут несколько иную картину, чем данные только по учтенному населению. Для возможности сопоставления с итогами переписи 2010 г. желательно сделать аналогичный расчет и для нее, ведь и тогда величина недоучета составила 5,6 млн человек.

Кстати, в некоторых странах мира данные об этнической структуре населения приводятся именно как *оценка* на основе показателей, собранных по небольшой части жителей. Например, в США в рамках ежегодных исследований *American Community Survey* статистики выборочно берут 3,5 млн домохозяйств, и затем на основе полученных данных рассчитывают оценку численности жителей по их этнонациональному⁷ происхождению (*ancestry*) для страны в целом. Причем численность групп приводится с оценкой статистической погрешности для каждой из них, и, разумеется, жители США могут указывать множественное этнонациональное происхождение (The Importance 2023).

По сути, исследование *American Community Survey* – это аналог российской микропереписи населения. Однако в России результаты микропереписи 2015 г. вообще прошли практически незамеченными экспертным сообществом, так как разная величина выборки по регионам также искажала полученную для страны в целом относительную структуру, а выполненный, например, мной перерасчет вызвал критику многих коллег, и опубликовать на его основе статью мне так и не удалось. Хотя, как видим на примере США, нет ничего методологически “ззорного” в подобного рода расчетах. Напротив, принимая во внимание, что в одних “национальных” регионах была учтена национальность всех его жителей, а в других – только 74%, будет абсолютно непрофессионально использовать данные переписи 2021 г. только по населению с учтенной национальностью, взяв их за чистую монету.

Заинтересовавшись реальными этнодемографическими тенденциями последнего десятилетия в стране, я произвел перерасчет результатов последней переписи населения по некоторым этногруппам в региональном разрезе, сведя затем эти расчеты для территории РФ в целом. И полученные данные действительно меняют наше представления об этнодемографических тенденциях. Поделюсь некоторыми из них (Табл. 1).

Таблица 1

**Численность некоторых национальностей в РФ
по переписям 2010 и 2021 гг. – номинальные и расчетные данные⁸
(расчеты автора по данным Росстата)⁹**

Национальность	Ученные переписью 2010 г.	Перерасчет с неучтенным населением 2010 г.	Величина недоучета в 2010 г.		Ученные переписью 2021 г.	Перерасчет с неучтенным населением 2021 г.	Величина недоучета в 2021 г.	
				%			Чел.	%
Русские	111 016 896	115 913 263	4 896 367	4,2	103 872 517	118 147 390	14 274 873	12,1
Татары	5 310 649	5 440 158	129 509	2,4	4 682 717	4 990 931	308 214	6,2
Башкиры	1 584 554	1 628 569	44 015	2,7	1 571 211	1 641 185	69 974	4,3
Украинцы	1 927 988	2 017 990	90 002	4,5	712 847	823 138	110 291	13,4
Все население	137 227 107	142 856 536	5 629 429	3,9	128 354 693	144 699 673	16 344 980	11,3

Как видим в Табл. 1, величина недоучета разных этногрупп очень сильно отличалась как в 2010 г., так и – особенно – в 2021 г. Перерасчет данных по регионам показывает, что в ходе последней переписи, например, не были учтены примерно 13,4% украинцев, 12,1% русских и “только” 6,2% татар и 4,3% башкир. Соответственно, совсем по-иному выглядит этническая картина в абсолютных цифрах: численность русских в период 2010–2021 гг. не сократилась со 111 до 104 млн, как то показали номинальные данные переписей, а возросла со 116 до 118 млн человек. Из-за большего недоучета среди русских, чем в среднем по стране, оказывается выше и их относительная доля в населении – не 80,9%, а 81,7%.

Еще раз подчеркну, что точность приведенных мной расчетных данных по двум последним переписям можно было бы еще повысить, рассчитав проекцию на неучтенное население по муниципалитетам всей страны. Однако это трудоемкая работа, которую без особых затрат мог бы выполнить Росстат и затем опубликовать эти данные как оценочные. Но использовать номинальные результаты последней переписи попросту нельзя, так как они показывают искаженную, вводящую в заблуждение картину.

Примечания

¹ Это и определенная управленческая дезорганизация, вызванная неоднократными переносами срока переписи, страхами части населения в связи с пандемией COVID-19 и т.д.

² Соответственно это вопросы с формулировками № 14 “Как бы вы описали вашу национальную идентичность?” (*How would you describe your national identity?*) и № 15 “Ваша этническая группа?” (*What is your ethnic group?*) (Census 2020).

³ Аналогично и в Канаде вопрос в анкете переписи не предполагает какой-либо двусмысленной трактовки, организаторы спрашивали именно об этнокультурном происхождении предков (*What were the ethnic or cultural origins of this person's ancestors?*) (Census 2021).

⁴ Варианты ответов населения в ходе переписи 2020–2021 гг.: Итоги 2020.

⁵ Такой разброс относительного числа лиц с неучтенной национальностью также является косвенным свидетельством того, что доля неучтенных определялась главным образом разными административными практиками проведения

переписи в регионах, а не величиной неких статистически значимых “инокультурных групп”, как иногда пытаются представить некоторые “эксперты”. Я не исключаю возможности недоучета переписью мигрантов, имеющих определенную мотивацию к минимизации контактов с государством, но такие лица, скорее всего, вообще остались незафиксированными переписью.

⁶ Кроме Удмуртии, где население “без национальности” составило 14% жителей.

⁷ В списке представленных категорий есть как чисто этнические (ассирийцы, баски, российские немцы и т.д.), так и национальные (афганцы, нигерийцы, пакистанцы и т.д.).

⁸ На основе проекции данных о национальной структуре населения с учтенной национальностью по субъектам РФ на все население страны.

⁹ Все расчеты приведены без Крыма, в сопоставимых границах 2010 и 2021 гг.

ПЕРЕПИСЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА К ЭТНИЧНОСТИ

Е.А. Варшавер

Прежде всего я бы хотел поблагодарить за приглашение написать комментарий. С одной стороны, для меня это лестное свидетельство того, что мой замысел – провести полевое исследование, которое позволит взглянуть в перепись и отрефлексировать ее роль в конструировании этничности, – удался (Варшавер 2022). С другой стороны, мое исследование, без сомнения, было проведено в русле научного направления, которое в свое время сформировалось благодаря академической и административной энергии Валерия Александровича Тишкова, и при подготовке к полевому изучению переписи в Дагестане мною учитывалось многое из того, что было сделано и написано им прежде всего по поводу первой постсоветской переписи 2002 г. (Тишков, Кисриев 2007: 93–123; Степанов, Тишков 2005: 64–73; Тишков 2003: 1–42). Поэтому нынешняя дискуссия, на мой взгляд, является частью коллективных усилий по осмыслению роли переписи в конструировании этничности и, шире, – самой природы этничности.

Статья представляется мне важным высказыванием, сделанным на материале последней российской переписи. Моя “наблюдательная позиция” (которую сформировали не только полевые исследования в Дагестане и работа в качестве переписчика в Москве совместно с ближайшими коллегами, но и активное чтение журналистских и аналитических текстов, которые появлялись “вокруг” переписи [Юрасова 2021; Захаров, Чурилова 2021]) позволяет согласиться со многими пунктами процедурной критики переписи, озвученными автором. Действительно, процедуры соблюдались далеко не всегда, данные часто “восстанавливались” по домовым книгам, не содержащим информации об этнической принадлежности, или просто “рисовались”, а полевой контроль – важнейший комплекс мероприятий, обеспечивающий качество данных, – носил по большей части номинальный характер. Эти и другие замечания должны стать контекстом любых высказываний об этничности, которые будут в ближайшее десятилетие и после делаться на материалах этой переписи. Статья, однако, затрагивает и более масштабные проблемы, посвященные этничности вообще и конструированию этничности в России в частности, – благо перепись является хорошим поводом для этого. Я во многом солидарен с позицией автора, но мне хотелось бы – в режиме дискуссии – поднять ряд вопросов о природе этничности, о сущности конструктивистского подхода к ее изучению, об “обществен-

ной пользе” тех или иных этнических конструкторов, а также об инструментах, которые дает перепись для их утверждения.

Итак, перепись заставляют обратиться прежде всего к вопросам онтологии. Когда мы говорим об этничности, о чем существующем в мире мы говорим? И последовательный конструктивистский ответ на этот вопрос, учитывающий растущий корпус исследований государственного управления разнообразием, состоит в том, что *этничность – это в первую очередь категоризации, которые осуществляют люди и институты*. Человек, сообщает нам эволюционная психология (Tomasello 2009), – это эффективный классификатор, который на основании категорий может совершать прогнозирование и за счет этого выживает и даже улучшает свое положение. Ему свойственно, говорится в исследованиях, проведенных на стыке народных теорий этничности и когнитивистики (Gil-White 2001: 515–554; Hirschfeld 1996), эссенциализировать различия, т.е. мыслить их, как будто речь идет о чем-то вроде биологических видов. Эти различия, как следует из институциональных исследований (Petersen 1987: 187–234; Simon et al. 2015), “затвердевают” в формализованных классификациях, производимых государствами и прочими влиятельными институтами и организациями. И такая – спонтанная и перманентная – категоризация, которая на всем протяжении истории структурировала поведение людей, и является онтологической базой этничности. Проще говоря, народы – это, в общем, коллективные фантомы, зато реально существуют (и всегда с момента возникновения языка существовали) категории, делящие людей на типы, находящиеся в некотором соотношении друг с другом и “защитые” в социальные институты. Именно в этом смысле я и писал об “универсальном регуляторе человеческих отношений”, с чем, правда, Валерий Александрович не согласился, назвав “явным преувеличением”. Эту дискуссию было бы интересно продолжить.

Из этой онтологии следует важный гносеологический вывод: исследуя этничность, мы уходим не только от справедливо заклеянного в качестве эссенциалистского представления, согласно которому объектом такого исследования выступают по-разному наименованные коллективы, но и от представления, которое, казалось бы, пришло этому представлению на смену, и которое – в рамках исследований этничности – предполагает фокусировку на самоопределении людей. Да, важно, что люди думают, не менее важно, однако, то, что об этих людях думают другие люди, но, самое главное, одновременно и источником, и результатом всех этих мнений в совокупности являются коллективные, intersubjective представления о различиях, оформленные в категоризации, классификации и таксономии, которые и являются объектом исследований этничности. Эта чуть затянувшаяся теоретическая контекстуализация помогает понять, почему именно перепись оказывается настолько интересна для изучения. Именно она, как модельный классификаторный инструмент, благодаря которому государства воображают различия (а равно и сходства), является если не основным источником, то уж точно значимым “дизайнером” тех этнических категорий, которые, будучи официализированы и наделены институциональным смыслом (исходя из них, напр., могут распределять ресурсы), становятся на следующем этапе категориями искренней идентификации людей.

Здесь, однако, надо сделать следующий шаг, который, с одной стороны, я считаю логичным и даже необходимым, с другой – после него станет понятна природа моего несогласия с некоторыми тезисами статьи. Итак, этничность – это многочисленные категоризации, которые накладываются друг на друга и тем самым создают контекст для “сложной самоидентификации”, а также инструментализации этничности. Эти категоризации зачастую охватывают разные “генеральные совокупности” (всех людей, которые описываются категориза-

цией), они складывались в разное время, имеют разные истории институционализации и связаны с разными сообществами, в которых это складывание и институционализация происходили. Более того, эти категоризации могут осуществляться по разным основаниям и иметь разные обобщающие “ключевые слова” – где-то таким “ключевым словом” может быть “раса”, где-то – “религия”, где-то (как во многих странах бывшего Советского Союза) – “национальность”, где-то – “племя”, где-то – “этническая группа”, где-то – “каста” и проч. Хотя споры на эту тему ведутся, современный конструктивистский консенсус (Wimmer 2013: 7–10; Brubaker 2009: 21–42) состоит в том, что все эти классификации являются этническими или как минимум имеют тенденцию к этнизации. Вывод, о котором я говорил и который логически следует из всего сказанного выше, состоит в том, что и разделение всего человечества на народы – это тоже этническая классификация; просто воображаемой генеральной совокупностью, затем аналитически разделяемой на типы, оказывается не население некоторой страны (чем обычно – и ошибочно – ограничивается определение этнических феноменов), а все население Земли. Да, не существует единого классифицирующего и ведущего учет центра (хотя эту функцию выполняют аналитические подразделения ООН и другие международные организации), да, членство в категориях в большей степени формализовано за счет института гражданства. Но спонтанная аналитическая процедура, производимая в рамках этой классификации (которая заключается в воображении некоторой совокупности и разделении ее на человеческие типы), не отличается от тех классификаций, которые традиционно определяются как этнические. И эта процедура регулярно осуществляется акторами на всех уровнях посредством разных способов воображения национального – от ассамблеи ООН до политической карты мира в сельской школе.

Если принять это – для меня не вызывающее сомнения – суждение, встают на свои места многие вещи. Например, вопрос, кто такие русские, который поднимается в статье В.А. Тишкова, касается не столько национализующего расширения этнической категории, сколько сопряжения внешней классификации по народам, которая не чувствительна (в особенности на английском языке) к различию между русскими и россиянами и в которой авароязычный дагестанец является русским, с внутренней категоризацией по “национальностям”, где такой человек определяется как аварец. И в этой связи мне показалась противоречивой мысль, содержащаяся в следующей цитате из статьи (здесь автор спорит с позицией, согласно которой национальности также являются народами): «Лично у меня на этот счет есть свой ответ, который может не всем нравиться: в России проживает один народ – российский, который имеет сложный этнический состав. А сколько из реально существующего этнического многообразия ученые, политики и активисты могут “сделать народов”, это вопрос открытый». Это высказывание, по сути, приоритизирует категорию из одной классификации над категориями из другой и реифицирует эту категорию. О том, почему, по моему мнению, такая реплика могла возникнуть в выверенном, рафинированном конструктивистском тексте, я скажу ниже. В любом случае я не могу не поспорить с этой репликой исходя из онтологии, о которой я пишу. Ведь, согласно этой онтологии, вопрос, сколько в России проживает народов и какие именно это народы, не имеет научного ответа, потому что это вопрос накладывающихся и конфликтующих категоризаций, которые осуществляют люди и институты в зависимости от их социальных диспозиций. Причины несогласия по этому (по сути, классификаторному) вопросу, а также причины того, почему задействованные в этом процессе акторы занимают разные позиции, как раз и являются ключевыми проблемами в конструктивистских исследованиях этничности.

Здесь, однако, как мне представляется, проявляет себя неизбежный конфликт деконструирующей и конструирующей позиций. Включив в название статьи словосочетание “деконструкция переписи”, В.А. Тишков посвятил значительную ее часть прояснению для читателя переписных процедур, а также интерактивной, конструирующей природы переписи; однако другая важная часть текста посвящена проговариванию концепции, которая кажется автору основополагающей для российского нациестроительства, и в этой части автор оказывается уже в роли социального инженера. И действительно – в той мере, в какой конструирование требует утверждения существования желаемых конструкторов (“этнически сложный народ России”) и отказа в существовании конкурирующим конструктам (“народы России”), такое высказывание понятно. Но это ставит вопрос о той политической концепции разнообразия, которой придерживается автор. Если я реконструирую ее правильно, речь идет о доминировании гражданского самосознания, допускающего внутреннее культурное разнообразие, и – одновременно – о постепенном отходе от эссенциализации этого разнообразия посредством концепции “народ” или “национальность”. В целом соглашаясь с автором, вновь не могу не отметить, что в таком случае появляется опасность эссенциализации гражданских категорий, которые, однако (см. рассуждения выше), также имеют исключительно классификаторную природу. Иными словами, таким образом утверждается онтологический приоритет категорий гражданской идентичности над категориями, на основании которых осуществляются внутристрановые классификации, что аналитически ошибочно. Но у научного производства своя логика, а у национального строительства – другая; в перспективе было бы интересно обсудить, каким образом эти логики могли бы быть совмещены. Однако, чтобы не отходить от темы статьи, важно понять, насколько описанная политическая концепция реализуется в переписи и насколько модификации, которые предлагает автор, способствуют ее реализации.

Автор указывает и подробно демонстрирует на примерах, что в зарубежных странах постепенно уходят от четкого и однозначного приписывания человеку этнической категории, что общий термин, который все чаще используется в политическом языке ряда государств, на русский язык можно перевести как “происхождение”, и что в переписях в этих странах предлагается отметить один или несколько вариантов происхождения. Валерий Александрович описывает идеи, посредством которых он предлагал “переучить” население России путем последовательного – от переписи к переписи – замещения термина “национальность”, носящего эссенциалистские коннотации, термином “этническая принадлежность”, которая, по мнению автора, таких коннотаций не несет. Однако – в той мере, в какой терминологическая замена была (пусть и не полностью) проведена – автор говорит о том, что есть свидетельства непонимания людьми переписного термина “национальная принадлежность”. Здесь я могу сказать, что моя команда встречалась с подобным лишь единожды – речь идет о ситуации с мигрантом из Таджикистана, который не очень хорошо знал русский язык (на этот случай, кстати, тоже не было процедур, что вновь говорит о валидности переписных данных), однако в силу того, что далеко не всегда переписчики зачитывали вопросы дословно, можно ожидать, что чаще всего такие ситуации разрешались посредством парафраза и, возможно, возврата к термину “национальность”.

Это, впрочем, не отменяет следующего обстоятельства: в силу того, что представления об этничности суть социальные конструкты, они могут меняться; их, к тому же, – при наличии должного ресурса – можно сознательно менять. И то, что этническая или национальная принадлежность не является определенной раз и навсегда, а, по сути, каждый раз выбирается человеком, и то, что таких принадлежностей может быть не одна, а несколько, и то, какие имен-

но категории из существующих могут считаться происхождением, а какие нет (и, соответственно, быть или не быть упомянутыми в переписи), – все это информация, которую в той или иной форме можно сообщить переписываемым. Однако, как представляется, такая кампания не может исчерпываться переписью и быть к ней приурочена – это вопрос изменения взгляда общества на вопросы этничности в целом, которое невозможно без интеграции конструктивистских идей в систему образования, школьные учебники и проч.

Но если цель – построение гражданской нации, насколько в таком случае включение вопросов о происхождении в перепись вообще необходимо? Действительно, больше половины стран мира, в которых проводится перепись, включают в нее по-разному сформулированные вопросы об этничности, но есть государства (и их немало), которые этого не делают (*Morning* 2015: 17–37). Французскими исследователями П. Симоном и В. Пише на материалах переписей разных стран уже больше десятилетия разрабатывается классификация того, как государства обращаются с этничностью в переписях. Согласно этой классификации (*Simon et al.* 2015: 1–14), государства могут сознательно включать или не включать вопрос об этнической принадлежности в перепись, при этом первое может происходить в целях “доминирования”, “поддержания мультикультурализма”, “сохранения исчезающих народов” и “позитивной дискриминации”, а второе – для поддержки “национальной интеграции” или “производства реального разнообразия”. Не является ли вопрос о национальности – как бы по-конструктивистски он ни был сформулирован – в любом случае дезинтегрирующим? Какие функции, говоря устаревшим языком социальных наук, несет в себе включение этнических категорий в перепись в России? В особенности с учетом того, что перепись – это один из инструментов поддержания социальной реальности. Я предполагаю, что введение вопроса об этнических категориях носит амбивалентный характер. С одной стороны, в той мере, в какой Россия – по инерции, доставшейся от СССР, – воображается как конгломерат народов, связанных между собой отношениями дружбы, включение вышеназванных вопросов способствует поддержанию политического status quo и социального порядка. Но, с другой стороны, такая – сложная – конструкция при прочих равных вряд ли устойчивее, чем “моноэтническая” конструкция, отвечающая классическому геллнеровскому принципу (*Геллнер* 1991) соответствия политических границ национальным (читай этническим). И государства, в которых по тем или иным причинам поддерживается полиэтничность, консолидированы едва ли благодаря этому, а скорее вопреки. Здесь можно вновь привести пример распада Советского Союза, который произошел по линиям, начерченным исходя из границ номинально независимых национальных государств. Этот вопрос, впрочем, вряд ли решается просто, и – одиозным образом – схема Симона и Пише может быть дополнена классификаторным элементом “включение этнических категорий для поддержания национального единства”, однако скорее в этом случае речь идет не об идеальном элементе (который действительно в таком случае выглядит противоречиво), а о реальных практиках управления этнически разнородными обществами.

Таким образом, проблема изменения переписных категорий – это одновременно проблема модификации политического порядка, но в таком случае встает вопрос о том, чем на самом деле является перепись. Является ли она аренной борьбы между “дельцами от этничности”, проверкой возможностей мобилизации бюрократии или все-таки исследованием реального положения дел? Если по другим аспектам, связанным с более осязаемыми вещами (характеристики жилища, источники дохода или – с определенными оговорками – величина домохозяйства), перепись, проведенная качественно, действительно является

важным информационным ресурсом, то вопросы, имеющие отношение к этничности, оказываются неизбежно пропущены через черный ящик локальных интерпретаций этнических феноменов, политических интересов, несовершенств сбора данных и прочих контекстуальных факторов, в связи с чем сведения об этничности, полученные посредством переписи, скорее создает иллюзию понимания, чем пониманию способствует. Проблема эта, по всей видимости, решается довольно стандартно. Все зависит от целей обращения к данным и от того, как поставлен вопрос. Если кто-то захочет узнать, “сколько народов живет в России”, – он ошибется, потому что проблемной является его онтология в целом; если кто-то захочет узнать, выросло ли башкирское население количественно, – он (при всем несовершенстве поставленного вопроса) получит некоторую полезную информацию (однако ему обязательно нужно будет делать поправку, например, на то, проводилась ли этническая мобилизация перед переписью); но если кто-то захочет узнать, насколько изменился уровень публичной идентификации с категорией “украинец” с 2010 по 2021 г., – на этот вопрос в такой формулировке и с учетом контекстуальных факторов на основании переписи он получить ответ не сможет.

В целом, если резюмировать, перепись – это одновременно и политическое мероприятие, своего рода плебисцит, переутверждающий социальный порядок, который завязан в том числе на этнических классификациях, и мероприятие познавательное, результатами которого, однако, пользоваться необходимо с осторожностью, понимая многое и про конструирующую природу переписи, и про конкретные издержки, связанные со сбором и обработкой данных. Таким пониманием способствует эта дискуссия, запущенная Валерием Александровичем, за которую и за возможность принять участие в которой я ему благодарен.

НАБЛЮДАЕМОЕ ОБЩЕСТВО: РЕГИСТР ВМЕСТО ПЕРЕПИСИ

В.В. Степанов

Я прочел добротную статью академика В.А. Тишкова. Не буду касаться всех затронутых в ней проблем, дополню только ключевые сюжеты, связанные с переписью населения.

В своей статье В.А. Тишков обращает внимание на качество применяемого во всероссийских переписях вопроса “Ваша национальная принадлежность”, полагая, что слово “национальная” нужно дополнить, а в будущем и заменить термином “этническая”. Хотя в западноевропейских странах в общественной печати и дискурсе термин получил широкое распространение, остается открытым вопрос, в какой мере его смысл понятен рядовому обывателю, когда речь идет о самоидентификации. Во всяком случае, в тех странах, где перепись интересуются “этнической” принадлежностью, на переписном листе обычно вместе с вопросом представлены варианты ответов, которые являются своего рода пояснением. Так, в переписи Ирландии 2022 г. для вопроса “какова ваша этническая группа/происхождение?” предусмотрены варианты ответа “ирландская”, “рома”, “китайская” и далее по списку.

Напомню, что в российских переписях, как и в советский период, вопрос о национальности предполагает свободный ответ, поскольку на опросном листе нет подсказок или каких-либо заготовленных списков. Напомню также, что в отечественных переписях отдельно задается вопрос о гражданстве. Тем не менее в разные годы эксперты высказывали критику в отношении слова “национальный”, настаивая, что при переписи люди могут не понимать данный тер-

мин. Это мнение, однако, не подтверждали ни массовые опросы, ни переписи. Исследования ИЭА РАН, проводившиеся в 2010-е и 2020-е годы в центральных, северокавказских, поволжских и восточных регионах России, показали, что на социологический вопрос “к какой национальности себя относите” (кстати, это формулировка Всероссийской переписи 1920 г.) респонденты, как правило, не уклоняются от ответа и в большинстве сообщают именно этническую самоидентификацию. Поэтому добавление в российскую перепись научного слова “этническая” стало бы избыточным, а в среде некоторых возрастных и социальных групп затруднило бы понимание.

Не вдаваясь в детали, замечу, что при составлении анкетных вопросов не следует ставить респондента в искусственные рамки научной терминологии. Отвечая на вопросы переписного листа, респондент руководствуется не научными сентенциями и не словарными понятиями, а житейским опытом, который как раз и проявляется в многообразии ответов огромной российской аудитории. В современном русском языке “национальный” представляет собой не два слова с разными значениями “гражданский” и “этнический”, а лексическую полисемию, т.е. облачное множество значений, объединенных сложными ассоциациями. Помимо двух упомянутых значений, в семантическое множество входят понятия родины, родного края, культуры, традиции, страны, государства, языка, истории, происхождения, общественного единения, родственных и земляческих отношений и проч. Поэтому невозможно убедить миллионы людей, чтобы на момент переписи они стали понимать слово “национальный” в специфических узких рамках. Конечно, полисемия усложняет итоговую переписную картину и может не нравиться потребителям статистики, желающим видеть за одной цифрой единственное значение, но к идентичности вряд ли возможно подступиться с одной меркой. Кстати, многозначность характерна и для общественного восприятия переписного термина “родной язык” (здесь не будем обсуждать эту тему). В Великобритании в переписях Англии и Уэльса 2001 г. вопрос об этнической группе сопровождался предусмотренными вариантами ответа, начиная с “британская”, “ирландская”, т.е. признавалось, что этническая и гражданская самоидентификации могут совпадать или сближаться. Затем в переписях 2011 и 2021 гг. сделана попытка учесть факт многозначности следующим образом: добавлен вопрос “Как бы вы описали свою национальную идентичность?” (*national identity*) с заготовленными вариантами ответа – “английская”, “уэльская”, “шотландская”, “североирландская”, “британская”; а на вопрос об этнической группе первый пункт ответа предусмотрен в виде неразрывного перечисления – “английская/уэльская/шотландская/североирландская/британская”. Так что и в случае с британскими переписями наблюдается стремление учитывать самоидентификацию населения в широких категориях, более понятных для обыденного сознания.

Но вот слово “принадлежность” в вопросе российских переписей действительно не вполне понятно населению. По моей рекомендации Росстат стал учитывать во время переписи 2021 г. ответы “не понимаю, что такое национальность”, выделив их в группе отказавшихся отвечать на вопрос о национальной принадлежности, и выяснилось, что численность таких респондентов мизерная, около полусотни на всю страну. А тех, кто не понимает слово “принадлежность”, – тысячи. У меня имелась возможность проанализировать большое количество первичных ответов населения с комментариями, и результаты все те же – респондентов вводит в заблуждение не слово “национальная”, а слово “принадлежность”. Например, в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге в десятках тысяч случаев в отношении принадлежности написано: “не понятна”, “не определена”, “не определенная”, “неопределенная”, “не опре-

делилась”, “не определяется”, “неопределившаяся”, “не знаю, как это определить”, “в паспорте не определено”. И это без учета численности респондентов, заявивших, что не принадлежат к какой-либо группе.

На проблему недостаточного понимания респондентами слова “принадлежность” я обращал внимание статистиков еще при переписи 2002 г. Однако в той переписи, как и последующей, 2010 г., а также в микропереписи 2015 г. переписчики имели возможность (хотя это запрещалось инструкцией) пояснять опрашиваемым, что “принадлежность” – это вопрос “о вашей национальности”. А при переписи 2020–2021 гг. переписчик в некоторых случаях отсутствовал, ведь люди самостоятельно заполняли переписной лист на государственном электронном портале. В этих условиях часть респондентов восприняла вопрос о национальной принадлежности как необходимость сообщить государству сведения о неких национальных “принадлеленностях”.

К сожалению, в переписи 2020–2021 гг. сведения у населения были собраны неоднородно. В тех случаях, когда опрос проводил переписчик, он мог пояснять, что речь идет именно о национальности опрашиваемого. На бумажном переписном листе, утвержденном Правительством РФ, фигурировала точная формулировка “Ваша национальная принадлежность”, и эту формулировку переписчики знали, ведь бумажные анкеты у них имелись на случай, если невозможно использовать электронный планшет. А в широко доступном электронном виде переписной лист был переименован в виде обращения к третьему лицу, и таким образом вопрос лишился слова “ваша” – осталась лишь “национальная принадлежность”. Именно этот урезанный вариант поместили на портале “Госуслуги”, и в таком виде он предстал перед населением. Исчезновение из формулировки вопроса слова “ваша” имело последствия. Часть населения восприняла пункт “16. Национальная принадлежность” как вопрос... теоретический. В качестве ответов люди стали вносить на переписной лист определения, дескать, это не что иное, как “самоопределение”, “сведения из паспорта”, “культура и традиции”, “культура и религия”, это “вся страна, где живешь”, “природа”, “богатство страны”, “березки”, “нефть” и проч.

Хотя в Конституции Российской Федерации фигурирует термин “национальная принадлежность”, очевидно, что не следует переносить юридическую терминологию в вопрос, адресованный всему населению страны. По крайней мере, формулировка нуждается в адаптации. Некоторые эксперты полагают, что будущая коррекция вопроса о национальности ухудшит сопоставимость с результатами прошлых переписей. Но перепись 2020–2021 гг. как раз снизила эту сопоставимость, по крайней мере, в тех случаях, когда люди не имели возможности разобраться в термине “принадлежность”. Поэтому в следующей переписи коррекция вопроса является мерой необходимой. Полагаю, действующий вопрос следует не изменять, а дополнить формулировкой, которая в течение нескольких десятилетий успешно апробирована исследованиями ИЭА РАН. В таком случае переписной вопрос может выглядеть следующим образом: “Ваша национальная принадлежность (к какой национальности себя относите)”.

В своей статье В.А. Тишков затронул тему критики, в которой перепись предстает как источник сведений, “воображаемых государством”. Вот на этой проблеме необходимо остановиться, поскольку она – ключевая.

Проблема не только в переписи, но и модном взгляде на перепись, культивируемом в последние десятилетия в среде западных экспертов и политиков. Стало модно “быть в тренде” и без весомых оснований, зачастую – посредством лишь “концептуальных” рассуждений, принижать познавательное и общественное значение переписей, критиковать их в духе постмодерна и либеральных ценностей. Пишут, что традиционные переписи населения давно дискредитированы, не содержат реальных сведений и представляют собой социальные конструкторы,

созданные в угоду политикам. Утверждают, что переписи искусственно устанавливают и придают значимость категориям, определяющим гражданскую, этническую, религиозную, языковую идентичность людей, что “производство” идентичности через перепись натурализует различия, конституирует нужные государству образы людей, мест и объектов. Упрекают перепись в подталкивании к раздорам, желанию соперничающих сторон эксклюзивно представлять нацию и ее население. Дескать, переписи вовлечены не только в политические, но даже в эпистемологические конфликты. Настаивают, что переписные категории воплощают интересы именно государства, а население вынужденно принимает мировоззрение и ценности государственного аппарата. Через перепись государство подталкивает людей к определенным мотивациям и действиям. Якобы перепись представляет собой инструмент, которым государство пользуется для наведения порядка, установления контроля и господства над обществом. Как институциональное производство различий, перепись служит приманкой категоризации, ловушкой для превратного понимания нации как само собой разумеющейся структуры. Делают вывод: мол, пришло время выйти за рамки категорий населения и отказаться от “навязанных” элементов национального государственного строительства (см. обзоры: *Emigh, Riley, Ahmed* 2016; *Decimo, Gribaldo* 2017; *Smith* 2003; *Leviton* 2011).

Хотя в современной западной гуманитарной науке популярно мнение, что перепись навязывает свои умозрительные категории населению и такова ее социальная природа, исторический опыт многих стран это не подтверждает. Здесь приведу только один пример. В послереволюционной России в короткие сроки после свержения монархии была проведена перепись 1920 г. Ее цель в условиях незавершенной Гражданской войны, разрухи, голодных лет и эпидемий была сугубо утилитарной – это была задача “выяснения численности населения Р.С.Ф.С.Р., его рабочего состава и наличности экономических сил” (Декрет СНК 1920), т.е. необходимо было подсчитать людей по профессиям. В соответствующем декрете, подписанном В.И. Лениным, указывалось на необходимости учесть каждого по возрасту, полу, семейному положению, грамотности, отношению к воинской повинности, трудоспособности, занятиям, профессиональным навыкам. Национальность и родной язык не упоминались вообще, но во время переписи у населения попутно были собраны и эти сведения. В канун всеобщего опроса новые российские власти еще не проявляли желания культивировать слово “национальность” – это подтверждают инструкции, агитационные материалы и листовки того времени. Прежние царские власти (а затем и Временное правительство) эту терминологию также не муссировали и не навязывали через всеобщие переписи. Да и сами переписи были редкостью¹. Тем не менее эта первая советская перепись 1920 г. зафиксировала у населения россыпь культурных самоидентификаций, причем не только в центральных городах, но и в провинции. Так, в Северо-Двинской губернии (ныне области Архангельская, Вологодская, Кировская, Костромская и Республика Коми) наряду с крупными группами были учтены армяне, грузины, а также диковинные для этих мест корейцы, сирийцы, американцы, французы и др. (ВДПП 1920), в Рязанской губернии – финны, литовцы, поляки (Итоги ВП 1920), в Курской губернии, помимо перечисленных, – латыши, немцы, австрийцы, чехи (Население городов КГ 1927). Было бы ошибочным упрощением объяснять подобные результаты воздействием на население неких переписных категорий.

Как и любой способ измерений, притом измерений социальных, перепись не свободна от погрешностей и организационных трудностей. Но это не означает, что перепись – плохой инструмент и от него нужно отказаться. Как говорится, инструмент хорош в умелых руках. Современная Всероссийская перепись

2020–2021 гг. прошла в трудных эпидемических условиях коронавируса. Свою негативную роль сыграли и факторы международного геополитического противостояния и экономического давления на Россию. Но все эти препятствия были меньшими в сравнении с вызовом цифровизации, влияние которой пандемия только усилила. В предыдущей переписи 2010 г. население России, хотя и пользовалось компьютерами и мобильными телефонами, не было столь привязано к онлайн-услугам. Но десятилетием позже значительная часть российского общества уже не мыслила себя без индивидуальных электронных устройств, используемых для общения, совершения покупок, транспортной навигации и много другого. К моменту переписи 2020–2021 гг. почти половина (!) населения страны имела доступ к электронным услугам на едином государственном портале. В комфортных условиях цифровизации ощущали себя “расслабленно” все участники переписного процесса, в том числе и организаторы переписи. Немалая часть населения полагала, что переписишется самостоятельно на портале “Госуслуги”. По нашим соцопросам, проведенным в ноябре 2019 г., т.е. до начала пандемии и за год до первого срока переписи², такое намерение высказывало в разных регионах 25-30% населения и до 40-50% в крупных городах и молодежной среде. Когда началась перепись, люди часто увещевали переписчиков, что заполняют переписные листы “без посредников”, но не спешили этого делать. Между тем, переписчики “верили” обещаниям и не спешили к респондентам. При взаимном умиротворении срок переписи, длившийся беспрецедентно долго, наконец иссяк, и стало понятно, что часть недостающих сведений о населении придется восполнять из административных данных. Поэтому, если и предъявлять претензии, то не к переписи как инструменту, а к организационным недостаткам.

Даже когда перепись не вполне продумана, но сведения получены на основе диалога с населением, она все равно имеет ценность. Гораздо хуже, если сведения формируются без обращения к населению – подобная “перепись” искажает демографическую информацию, а как источник о культурном многообразии вообще ничего не стоит (об этом см. далее). Тем не менее первый вариант переписи принято подвергать острой критике, называя пережиточным, применяемым в странах третьего мира, а второй вариант поднимают на щит, видят в нем новацию и движение к цифровому будущему.

Расхожим штампом являются обвинения первого варианта переписи в неточности и конструировании вымышленной реальности. И постепенно в среде управленцев формируется мнение о необходимости именно второго варианта переписи. Но что это за второй вариант, какую “реальность” открывает такая перепись и почему ей в угоду должна быть устранена перепись традиционная?

Противники традиционной переписи часто высказывают претензии по поводу вопросов культурного содержания. Упреки в переписном расизме особенно характерны для западноевропейского научно-гуманитарного и политического дискурса (см. обзор: Simon 2007). Впрочем, хор участников не такой уж стройный. Исходя из своих интересов, к этой кампании не вполне или вообще не присоединяются Британия и Ирландия.

С обсуждением вопросов о культурном многообразии населения вообще много запутанного и нарочито усложненного. Большой вклад со знаком минус в дебаты на эту тему вносят исследователи, придерживающиеся всевозможных регламентов, сформированных в своих научных дисциплинах (требующих, к примеру, соблюдать предельную деликатность при взаимодействии с аборигенным населением вплоть до заключения накануне исследований специальных соглашений с общинами). Однако, что полезно для культурологических, фольклорных, филологических, социально-антропологических исследований, не по-

лезно для переписи. Чрезмерные предварительные обсуждения обостряют общественное внимание, порождают толки и отрицательное отношение. Тут важно подчеркнуть, что перепись – не исследование, не социологический опрос и не этнографическая беседа, перепись направлена не на локальные сообщества и местную специфику, а охватывает все население и всю территорию государства³.

Однако фобии гуманитариев, порой звучащие громко, оказываются в меньшинстве. Население, как правило, мало или вообще не волнуется по поводу переписных вопросов о национальности и языках. Накануне Всероссийской переписи 2020–2021 гг., проводя серию соцопросов во многих регионах, мы выяснили, что респонденты гораздо чаще задумываются о проблеме конфиденциальности, нежели о том, что их будут спрашивать о культурной принадлежности. В современных российских переписях нет вопросов о религии, но в тех странах, где такие вопросы есть, к ним, как правило, относятся терпимо. Вспомним и советскую историю, когда в “стране победившего социализма”, “преодолевшей религиозные предрассудки”, во время переписи 1937 г. после фамилии персоны и сведений о возрасте, поле, национальности и родном языке следовало заполнить пункт № 5 “Религия”. И на этот вопрос ответило большинство населения.

Как средство регистрации определенных признаков переписи сходны с другими государственно-бюрократическими инструментами. Отличие, однако, в том, что перепись адресована всем и каждому и проходит в сжатые сроки, поэтому ее вопросы более “заметны” и становятся объектом всеобщего внимания. Если заглянуть в такой документ, как личный листок по учету кадров, который приходилось заполнять большинству работающего населения России (т.е. более 80 млн человек), то там найдутся сведения гораздо более приватные, чем в переписи. В кадровую анкету собственноручно нужно внести не только свою фамилию, имя, отчество, пол, дату и место рождения (зачастую есть также пункт “национальность”), но и фотографию, образец подписи, паспортные данные, адрес паспортной регистрации, адрес фактического проживания, телефон, сведения о членах семьи, все сведения о предыдущих местах работы и учебы, все сведения о пребывании за границей и проч. Если бы кому-то пришлось в голову назвать листок по учету кадров “переписью”, это наделало бы много шума. А без публичности рутинное коллекционирование учетно-кадровых сведений о миллионах людей не приводит к общественным дебатам и публикации критически настроенных научных статей гуманитарной направленности. Так что не содержание и даже не масштаб собираемой информации привлекает общественное внимание, а публичность самой переписи.

Публичность необходима для переписи как средство общественного информирования. Но публичность – это и вызов, ведь необходимо обосновывать целесообразность собираемой информации и обнародовать получаемые результаты. Не желая публичности, власти некоторых стран отказываются от традиционной переписи, оправдывая свои действия тем, что оберегают население от обременительных вопросов. В мире при поддержке крупных международных организаций, в том числе ООН, все активнее культивируется представление о том, что перепись с успехом можно заменить “скандинавской моделью”, когда статистические данные собирают из так наз. административных регистров населения⁴ и к ним приплюсовывают материалы выборочных обследований. Эти представления поддерживает все большая часть российских статистиков, демографов и управленцев. Некоторые государства Европы, в частности Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, перешли на такую систему, и их “опыт” заслуживает пристального внимания.

Характерен пример Норвегии, которая в 2011 г. отринула обычную перепись, полностью заменив на учет населения по административным регистрам.

Рекламируя такой шаг, власти даже озаглавили мероприятие “Перепись без вопросов”. Но не сократились, а только усилились другие бюрократические инструменты, гораздо более обременительные для населения, хотя и не публичные. В Норвегии действует множество информационных ресурсов, донорами которых местные жители быть обязаны – это регистр населения, регистр семей и домохозяйств, статистический регистр рынка труда, регистр образования, статистический регистр экономической активности, статистический регистр жилья и домохозяйств. Перечисленные ресурсы представляют собой лишь верхушку информационного айсберга. Так, статистический регистр рынка труда вмещает сведения из регистра бизнеса, регистра безработных и множества регистров занятости, заработной платы, доходов и проч. А, например, статистический регистр экономической активности в действительности представляет собой объединение регистров пенсионного, регистра доходов, образовательной деятельности. И это только основные информационные источники для “необременительного” учета населения.

Власти Норвегии рекламировали переход на регистры как чуть ли не бесплатный для бюджета, объясняя тем, что административные источники уже существуют помимо переписи. Однако подобные пояснения, мягко говоря, далеки от истины. Чтобы собрать целостные сведения из разрозненных ведомственных источников, созданных в разное время для разных нужд, а не для статистики, требуются сложная интеграция. Поэтому, помимо значительных затрат на рутинное обслуживание множества ведомственных электронных ресурсов, одноразовая интеграция для переписи 2011 г. стоила бюджету этой страны дополнительные миллионы евро. При этом неизвестны совокупные затраты на дополнительные исследования, компенсирующие отсутствие той или иной информации.

В 2001 г., когда норвежская перепись последний раз имела право голоса, она делала попытки подсчитать численность бездомных людей, по крайней мере, – тех, кто сообщал, что проживает в импровизированных постройках и “местах” ночевки. Делались попытки подсчитать и тех, кто не учтен муниципальными службами, включая иностранных мигрантов. В той “самостоятельной” переписи методом опроса населения еще подсчитывались разные социально значимые сведения, например, количество людей, в чьих домах имеется водопровод, канализация, теплоснабжение. Однако в последующей переписи, которую в Норвегии провели без обращения к населению, эти сведения отсутствовали, ведь в исходных административных источниках такая информация не содержалась как не имеющая ведомственной ценности. Исходя из бюрократической логики, если люди живут в автоприцепах или лодках, но имеют официальную регистрацию по адресам обычного жилья, нет оснований игнорировать документальные источники. В итоге усовершенствованная норвежская перепись 2011 г. “показала” нулевое количество бездомных. И это при том, что десятилетиями местные эксперты заявляли о необходимости иметь статистику бездомных, которая делает таких людей “видимыми” для общества и социальных служб. Неудивительно, что Норвежский государственный жилищный банк (главная госструктура в стране, ведающая социальной жилищной политикой), не надеясь на официальные результаты регистровой переписи, заказал собственное исследование для хотя бы приблизительного подсчета бездомных. Для этого стали опрашивать муниципальных работников и полицейских. При этом признается, что метод далек от совершенства, поскольку не все соцработники имеют нужные сведения и не все желают заполнять анкеты (*Hermannsdottir, Kristensen 2009; Dyb 2017, 2021*). Кроме того, от чиновников не могут быть получены полноценные сведения о малоимущих мигрантах, особенно тех, у кого нет разрешения на проживание в стране.

Поборники регистровой переписи обычно настаивают, что именно перепись документов, а не “мнение людей”, имеет точность. Но пример законопослушной Норвегии показывает, что регистры изобилуют пропусками сведений даже по таким параметрам, как наличие в жилищах водопровода, душа, туалета, канализации. Поскольку водопровод был учтен в жилищном регистре Норвегии лишь в 60% случаев, абсурдные результаты перекечевали и в перепись 2011 г. Получилась картина социальной деградации, ведь прежняя перепись методом опроса населения выявляла гораздо большее количество жилья с элементарными удобствами. Даже сведения о собственниках жилья содержатся в регистрах в неполном объеме, поэтому специалистам приходится изобретать для “точной” переписи поправочные коэффициенты и добавлять несуществующие данные для полноты картины.

И еще много чего “не видит” норвежская бюрократия, а за ней и регистровая перепись, которая, к примеру, не в состоянии учесть факт проживания людей в помещении, если в документах значится обратное. Это приводит к абсурдным переписным итогам, согласно которым студенты, зарегистрированные в домах родителей, “не проживают” по месту учебы, а постоянно находятся в других населенных пунктах. А те студенты, кто длительно обучается за рубежом, числятся как находящиеся в Норвегии. Также якобы находятся в своих семьях не снятые с регистрации бывшие члены домохозяйств, хотя они в действительности проживают в других муниципалитетах или за границей.

Из-за документальной скупости в норвежской переписи очень мало сведений о семьях. В регистрах хранятся данные только о родителях и детях и зарегистрированных супружеских отношениях. Бабушки, дедушки и прочие родственники не учитываются. Соответственно, нет их в переписи. Реальная семья превращена в фантом, она не видна ни регистрам, ни переписи. А незарегистрированный брачный союз фиксируется в переписи на основе... вероятности. Для этого разработан специальный алгоритм автоматического подсчета сожительств: две персоны условно квалифицируются как имеющие незарегистрированный брак, если проживают в одном жилом помещении и имеют общих детей, а если общих детей нет, “факт” брака устанавливается между лицами разного пола, не имеющих близкого родства, при возрастных различиях не более 15 лет. Это значит, что, например, студенты, арендующие жилье вскладчину, могут быть зафиксированы автоматизированной системой как состоящие в незарегистрированном браке.

Сведения о безработице в норвежской переписи ограничены лишь подсчетом лиц, учтенных в службах занятости, и таким образом получается благостная социальная картина. Что касается занятости, она отражена в регистрах только в отношении крупного и среднего бизнеса, а мелкий бизнес и самозанятые опять же “вычисляются” по условному алгоритму на основе сведений об уплате налогов.

Что касается мигрантов и беженцев из других стран, в том числе прибывших из-за пределов Евросоюза, их переписной учет в Норвегии вообще можно поставить под сомнение. Эти люди попадают в регистр, если получают разрешение находиться в стране более чем полгода. Понимая, что значительная их часть может быть не учтена, официальная статистика Норвегии вынуждена рассчитывать численность таких мигрантов с использованием теории вероятности, и при этом цифры максимальной и минимальной “оценки” расходятся в несколько раз.

Внешне норвежская регистровая перепись может казаться безупречной, ведь она аккуратно, без отсрочек на коронавирусную пандемию и прочие трудности, предоставляет информацию авторитетным международным структурам, таким как статистическое подразделение ООН и Евростат. Информация включает самые

простые сведения, которые требуются для международных подсчетов численности населения, состава по полу и возрасту и некоторых других параметров. Сведения о культурных характеристиках в обязательную отчетность не входят, да и нет их в норвежских регистрах. Но даже базовые демографические данные, если взяты только из оформленных документов, не могут вызывать полного доверия. Если человек покинул страну, но не снялся с регистрации, он учитывается как житель Норвегии. Регистрация может быть прекращена автоматически, но лишь со временем, если замечено, что персону “длительно” не платят налоги. Но налог можно заплатить и находясь на другом континенте. В то же время местные бездомные, не имеющие регистрации, налоги не платят и попадают в число “уехавших” из страны. Так какова же реальная численность жителей Норвегии? На это имеется только один ответ, взятый из чиновных формуляров. Подтвердить или опровергнуть сведения бюрократических регистров невозможно, поскольку альтернативных источников в этой стране попросту не существует, а дополнительные обследования основываются на все тех же регистрах.

Даже краткое описание показывает, как баррикады из регистров низвели перепись Норвегии до уровня отчетности о государственном документообороте. Трансформировавшись в регистровую, “перепись” стала крайне тяжелой на подъем по части креативности и новаций. У нее больше нет возможности вносить в свою программу новые типы сведений, она больше не в состоянии реагировать на современные вызовы. Регистровая перепись лишена и критического мышления, ведь собственными источниками информации она не располагает.

Если по базовым демографическим параметрам регистровая перепись имеет хоть какую-то определенность, то в отношении социально-культурных характеристик проявляет способности лишь гадательного характера. Местные исследователи отмечают, что, пользуясь официальной статистикой, Норвегия длительное время полагала себя культурно “гомогенной”. Не из статистики, а лишь оценочно было известно, что, помимо этнических норвежцев (термин тоже местный [*Friberg* 2021: 23]), в стране есть группы саамского и финского происхождения, цыгане рома и “иные кочующие”, а также небольшое еврейское население и некоторое количество приезжих из соседних государств. Общественные представления о гомогенности стали разрушаться с 1970-х годов в связи с потоком мигрантов из Азии, Африки, Латинской Америки – всего, по оценкам, более чем из двухсот стран (*Scandinavia* 2013: 96). Однако это почти не отразилось на результатах государственной статистики.

В других европейских странах параллельно с отказом от традиционной переписи также ширится социальная и культурная “слепота”. Но потребность в утраченной информации не исчезает. Словения с 2011 г. проводит переписи только по регистрам, но, поскольку такие “переписи” не содержат сведения о культурных и языковых особенностях, была сделана попытка получить косвенные данные посредством... анализа фамильного состава населения.

Германия провела перепись частично по регистрам и параллельно опросила население в 2011 г. В тот период германские специалисты в области статистики еще указывали на недостатки регистров. Но по прошествии десяти лет ведущие разработчики уже называли регистровый метод важнейшим проектом статистики будущего (*Söllner, Körner* 2022: 14), а руководство Федерального статистического офиса анонсировало движение к “переписи без опросов”, подчеркивая, что перепись 2022 г. – последняя, когда людей о чем-либо спрашивают (*Destatis* 2021). Между тем отсутствие в государственной статистике Германии сведений об этническом составе населения подвигает людей к самопереписи. В 2020 г. в этой стране была организована так наз. Афроперепись (*Afrozensus*), ориентированная на чернокожих и выходцев из африканской диаспоры. Самопереписи-

вание инициировали крупная неправительственная организация и популярная группа музыкантов, а научную поддержку обеспечили Немецкий центр исследований интеграции и миграции (DeZIM) и Берлинский университет прикладных наук Алисы Саломон. Это, конечно, не была реальная перепись, а только опрос нескольких тысяч человек (численность афрогерманского населения оценивается в более, чем один млн чел.), но сам термин “перепись” отразил общественную потребность. При ограниченных возможностях результаты опроса показали, что четверть афрогерманского населения неразличима для официальной статистики, так как не имеет пресловутого “миграционного бэкграунда (происхождения)” (*Afrozensus* 2020), хотя именно этот маркер использует государственная статистика Германии для оценки культурного состава страны.

Таким образом, традиционная и регистровая переписи резко различаются между собой не только технически, но и концептуально (идеологически). Традиционная или обычная перепись опирается на прямой контакт с населением, формируя независимый набор данных без копирования других источников информации. А регистровая перепись, использующая персональные документы, формирует связь между множеством регистров, чтобы собрать воедино информацию о персоне. После завершения регистрового сбора сведений связь между разнородными информационными источниками не удаляется (либо в любой момент может быть восстановлена), иначе нет смысла создавать сложную и дорогостоящую интеграцию. Характерен пример Дании, где сведения о населении формируются по административным регистрам на основе индивидуальных идентификационных номеров, пожизненно имеющих у каждого постоянного жителя. Именно пожизненный номер позволяет связать информацию о персоне из разных регистров “для выяснения разных вопросов” (*Thygesen, Ersbøll* 2011: 8). Тут уместно упомянуть, какие именно регистры для этого используются. Это, например, датский медицинский регистр рождений, психиатрический регистр, больничный регистр, регистр фертильности, регистр причин смерти, регистры опасных болезней (*Danish CRS* 2006: 443). Есть также регистры налоговый, доходов, бизнеса, жилья, образовательный (*Thygesen, Ersbøll* 2011: 8–9). Из других источников персональная информация берется о месте работы, доходах, благосостоянии, получении социальной помощи, образовании, жилье, биологических родителях, сожительстве (*Danish CRS* 2006: 443).

Может быть, не случайно Евростат, желая регулярно получая статистику от государств Евросоюза, рекомендует им побыстрее переходить на регистры, но не очень озабочен тем, какие источники при этом будут употребляться. Наоборот, предлагается двигаться к “новому пониманию” переписи, “опирающемуся скорее на получаемые материалы, чем на используемую методологию” (Рекомендации КЕС 2015: 5).

Хотя при регистровой переписи разработчики заверяют общественность, что, как и в случае с обычной переписью, персональные данные обезличиваются, но умалчивают о связях между регистрами в отношении каждой учетной персоны (*Summary EDPS* 2023: 9). Какие бы ограничения доступа к персональным данным ни провозглашались, их попросту невозможно соблюсти, ведь по своей конструкции регистровая перепись является именно средством манипуляции с персональными данными.

Более того, само развитие регистровой переписи порождает необходимость привлечения все большего количества источников персональных данных. В той же Дании обычные переписи завершились еще в 1970 г., и уже в тот период, в связи с усилением международной миграции, озаботились необходимостью иметь статистику культурного разнообразия. Поэтому со временем создали миграционный регистр и постепенно наполняли его учетными сведениями об ино-

странцах (тех, кто становился на учет). Затем дополнительно стали учитывать их потомков, родившихся на территории Дании. Таким образом, круг собираемых документальных сведений расширился, ведь “потомков” нужно было выискивать в других административных регистрах. Но и этого показалось недостаточно, и стали учитывать также датских уроженцев, у кого родители, будучи местными по рождению, отличались двумя признаками – наличием иностранного гражданства и происхождением от иммигрантов (*Wismer* 2003: 9). Какова же эффективность этого хитроумного и явно затратного метода? Очевидно, низкая, ведь проверка выявила, что более чем у одного процента жителей страны отсутствуют сведения о месте рождения (*Danish CRS* 2006: 443–445), а такое количество может заметно исказить оценку численности малых групп (доля уроженцев других стран составила десятую часть населения). Еще большая погрешность неизбежна при документальном выявлении “потомков иммигрантов”. Та же проверка показала, что сведения о родителях имелись в регистрах только у половины жителей страны. Даже если оставить без критики сам принцип определения “культурных особенностей” по документам человека, и если не учитывать, что метод сбора социального анамнеза не обеспечивает адекватную статистику, очевидно, что и такой результат требует манипуляций с большим количеством персональных данных из разных административных источников.

Рассмотрим логику сбора статистических сведений об используемых языках. Обычная перепись просто решает эту задачу – вносит соответствующий вопрос на переписной лист и получает прямые ответы населения. А регистрационная перепись начинает изобретать сложный алгоритм перебора документов из разных источников, соотносит данные о месте рождения конкретного человека и членов его домохозяйства, длительность совместного проживания, у каждого учитывает возраст, уровень образования, предыдущее место жительства, предыдущее гражданство. На основе этой информации формулируется гипотеза о наличии в домохозяйстве того или иного языка. Очевидно, что подобный метод не более точен, чем гадание на кофейной гуще, и возникает необходимость привлечения еще большего количества надзорных сведений. В тех случаях, когда нужной информации в регистрах нет, статистические службы пытаются отыскать нужные сведения “в разных инстанциях, у местных властей и бизнеса” (*Wismer* 2003: 7). Либо – вернуться к методу обычной переписи. Но, поскольку возврат к “устаревшим” методам доцифровой эпохи почитают за нонсенс, вообще отказываются от неудобной тематики.

Таким образом, замена обычной переписи на регистрационную приводит к тому, что даже в небольших государствах статистика становится зависимой от сложной, до крайности жесткой и тенденциозной бюрократической конструкции. Поскольку первичная информация в этой конструкции формируется не для описания населения, а для административных нужд, регистрационная перепись вынуждена с этим мириться.

Суть чиновной концепции переписи по регистрам в конечном счете сводится к трем догматам – документальность (точность) первичных сведений, дешевизна производства, необременительность для населения. Четвертая, не всеми разделяемая установка, предполагает, что переписи по регистрам могут осуществляться чаще обычного или даже перманентно. Правоту каждого догмата можно и нужно ставить под сомнение. Вместе с тем для небольших стран концепция может казаться привлекательной, особенно если закрыть глаза на “мелочи”, не принимать во внимание динамику современной миграции, допустить, что общество якобы существует герметично. Но что дальше? Мы видим, что из-за недостатков точности и полноты сведений надзорная функция регистров все более усиливается, хотя демографическая и тем более социально-культурная

статистика от этого не выигрывает. Год за годом в административных формулярах восполняются пробелы и устраняются ошибки, протоколируются сведения о каждом учтенном жителе, его жилищных удобствах и неудобствах, семейных и несемейных отношениях, занятиях, образовании, доходах, налогах, передвижении и проч. Манипулирование персональными данными возрастает, и поднадзорное состояние трансформируется в привычку и социальную норму. Когда сеть регистров формирует оптимальную поднадзорность населения, тогда и производимая по административным документам “перепись” предстает в завершенном виде – как чиновный взгляд на наблюдаемое подотчетное общество.

Страны Евросоюза ставят целью подготовить специальные правовые и технические условия, чтобы государства-члены сообщали в Евростат сведения о своем населении не раз в десять лет, как в переписях, а ежегодно (среди потребителей информации – международные корпорации и банки). Очевидно, что столь часто обновляемые сведения невозможно формировать методом опроса населения – отсюда и стремление перейти к тотальному учету по регистрам вместо обычных переписей. Пока не делается различий между понятиями “административные данные” и “административный регистр”, но в дальнейшем второе понятие намереваются сделать приоритетным, определив его как данные из административных документов, которые систематически обновляются и увязываются с идентификацией персон (EU Notes 2019: 40). Важной целью обновления данных является получение информации о перемещении людей. Такую цель объясняют необходимостью предотвратить избыточный или недостаточный подсчет населения и потребностью учета миграции. Для этого предусмотрен *метод учета признаков жизни* (signs of life method [Söllner, Körner 2022: 20–21]), суть которого заключается в автоматизированном отслеживании по регистрам признаков жизненной активности персоны на территории конкретного муниципалитета. Например, выявляют факты уплаты налогов, взносов, получение пенсионных выплат и проч. Если “признаков” нет, начинаются более основательные проверки для выяснения, не уехал ли человек в другой район или другую страну. Признаки жизненной активности могут быть выявлены и в отношении ранее не учтенных личностей, например, нелегальных мигрантов. Для актуализации сведений о месте и условиях проживания подотчетной персоны предусматривается пополнение регистра данными спутникового и аэронаблюдения, позволяющего периодически уточнять параметры жилых и хозяйственных построек, а также факты их использования.

В европейских государствах, в которых получение демографической и социальной статистики ограничено регистрами, принято говорить, что это “новый” и “прогрессивный” метод, а переписной опрос населения причисляют к устаревшим методам. Европейская экономическая комиссия ООН подчеркивает, что новые методы предполагают “более широкий подход к концепции переписи”, указывая на страны, где традиционная методика, опирающаяся на опрос всех лиц, уже “уступила место использованию данных, содержащихся в административных регистрах» (Рекомендации КЕС 2015: 5).

Однако по историческим меркам регистры населения ничуть не “младше”, чем перепись. В Швеции административные записи о домохозяйствах регулярно производились еще в XVI в., тогда как первая перепись в этой стране была проведена на два столетия позже. В Норвегии переписи методом опроса населения стали проводить в XIX в., а до того применялись регистрационные данные религиозных приходов. В Италии в прошлые века множество местных регистровых записей о населении вели церкви и торговцы. В России после переписи, произведенной Петром I в 1716 г.⁵, последовало десять так наз. ревизий (в среднем каждые 15-20 лет) – это было рутинное уточнение записей о населе-

нии в “ревизских сказках”, т.е. ведение рукописного регистра и составление на этой основе статистических сводок. Последняя ревизия в Российской империи была в 1857–1860 гг., почти за сорок лет до всеобщей переписи.

В современных условиях развития телекоммуникации повышаются возможности не только форм регистрации населения, но и переписных опросов. Новые технологии существенно удешевляют перепись и делают ее более быстрым средством получения данных о населении. Многие страны, в том числе Россия, имеют опыт проведения переписи через интернет. Таким образом, по мере развития технологий может совершенствоваться и перепись. Поэтому не имеет смысла относить ее к сугубо “устаревшему методу”. И регистр, и перепись представляют собой не “новый” и “старый”, а два разных подхода получения статистической информации, которые лишь отчасти могут дополнять друг друга.

По своему содержанию регистр не способен заменить перепись, хотя в некоторых странах такая замена уже происходит. Статистические структуры ООН, констатируя этот процесс, рекомендуют комбинировать регистровую перепись с выборочными обследованиями или обычными переписями, фиксируя в них только такие сведения, которых нет в регистрах, в частности данные о структуре семьи, этническом составе, религии, языках, образовании, жилье и др. (Handbook PHS 2022: 72). Однако признается, что комбинация регистра и обычной переписи порождает риск утраты сопряженности данных. Как приемлемый вариант, ооновские эксперты рассматривают вариант полного отказа от сбора данных, отсутствующих в регистрах, прежде всего данных культурного содержания.

По отдельным критериям регистр похож на перепись, в частности по наличию детальных сведений о лицах. Правда, сведения в регистрах подобраны и зафиксированы в той форме, которая соответствует бюрократическим целям. В итоге образ “населения” предстает как совокупность объектов администрирования, и в этой картине административно-наблюдаемого общества найдется очень мало места для культурных характеристик населения. Скорее, не найдется вообще.

Сильным козырем регистра является ослабление общественного внимания к сбору чувствительных персональных данных. Не сразу, но неуклонно, в условиях модернизации и под давлением регистра, перепись вынужденно переходит в виртуальное состояние, становится скрытной. Не удивительно, что по мере утраты общественного интереса и общественного контроля она лишается статуса важного общенационального события.

Хотя с ускорением мировой цифровизации быстрое и повсеместное умножение регистров представляется неизбежным, хочется верить, что полной дегуманизации статистики населения все же не произойдет. Видимо, приходит время, когда гуманитарные науки, преодолевая увлечение деконструкциями, могут сыграть важную созидательную роль.

Мне также хочется надеяться, что в отечественном научном и экспертном сообществе не исчезнет, а только укрепится убежденность, что в условиях современной России для получения достоверных сведений о социальных, демографических и культурных характеристиках, наряду с модернизацией переписи, необходимо всецело сохранять ее основу – практику проведения методом всеобщего опроса через прямое обращение государственной статистики к населению. Для этого следует изменить научную и правовую концепцию, которая до сих пор рассматривает перепись как сбор сведений о населении (так в российском законодательстве). Не “о населении”, а “у населения”. Устарела не перепись, а понимание ее значимости.

Примечания

¹ В Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. термин “национальность” вообще не фигурировал. Из двух переписей 1916 и 1917 гг., проведенных в условиях Первой мировой войны, охватившей не все население, параметр “национальность” использовался на персональных переписных бланках только во втором случае и только для глав домохозяйств. В дореволюционный период в некоторых городах и губерниях эпизодически проводились местные переписи, но, как правило, они не использовали данную терминологию при сборе сведений у населения.

² Всероссийская перепись населения была назначена на октябрь 2020 г., затем перенесена на апрель и после – на октябрь 2021 г.

³ Хотя в рамках переписи иногда применяют подпрограммы, ориентированные на отдельные регионы или категории жителей, это делается с целью интеграции статистических данных и получения информации о населении всего государства в целом.

⁴ Административные регистры содержат данные о численности родившихся, умерших, миграции, уровне доходов, владении недвижимостью, занятости и проч.

⁵ Перепись 1710 г. Петру I не понравилась по ее результатам, и были проведены две новые переписи 1716 и 1717 гг.

Источники и материалы

ВДПП 1920 – Всероссийская демографическо-профессиональная перепись 28 августа 1920 г. Итоги переписи населения по С.-Двин. губ. // ЦСУ. С.-Двин. губ. стат. бюро. Секция демографии. Вып. 1. Великий Устюг: Гостип., 1922.

Декрет СНК 1920 – Декрет Совета Народных Комиссаров от 22.04.1920 “О производстве профессиональной и сельскохозяйственной переписи населения с учетом промышленных предприятий” // Исторические материалы. <https://istmat.org/node/41574>

Захаров, Чурилова 2021 – Захаров С.В., Чурилова Е.В. Участие россиян в переписи // Левада-Центр. 21.12.2021. <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi> (настоящий материал [информация] произведен и распространен иностранным агентом АНО “Левада-Центр” либо касается деятельности иностранного агента АНО “Левада-Центр”).

Итоги 2020 – Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Итоги ВП 1920 – Итоги Всероссийских переписей 1920 года. Основные итоги демографическо-профессиональной переписи. Рязанское губернское статистическое бюро. Вып. 1. Рязань: Гос. изд-во, 1922.

Население городов КГ 1927 – Население городов Курской губернии по переписям 1920 и 1923 гг. Курский губернский статистический отдел. Вып. 3. Курск: Полиграфобъединение ГСНХ, 1927.

Рекомендации КЕС 2015 – Рекомендации Конференции европейских статистиков по проведению переписей населения и жилищного фонда 2020 года. Нью-Йорк; Женева: Европейская экономическая комиссия ООН, 2015.

Юрасова 2021 – Юрасова Т. Россию не застали дома // Новая Газета. 16.11.2021. https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/16/rossiiu-ne-zastali-doma?fbclid=IwAR00rT_i1UIFe-yRoYhONu0AfQFRqNatQHGbIsQBYnoyVtf-5vlzdzXn8PY (дата обращения: 26.12.2021).

Afrozensus 2020 – Afrozensus 2020. Perspektiven, Anti-Schwarze Rassismuserfahrungen und Engagement Schwarzer, afrikanischer und afrodiasporischer Menschen in Deutschland. Berlin, 2021. B. 75.

- Census 2020 – Census 2021 paper questionnaires // Office for National Statistics. 26.06.2020. <https://www.ons.gov.uk/census/censustransformationprogramme/questiondevelopment/census2021paperquestionnaires>
- Census 2021 – 2021 Census – Form 2A-R // Statistics Canada. 21.09.2020. https://www23.statcan.gc.ca/imdb/p3Instr.pl?Function=getInstrumentList&Item_Id=1283879&UL=1V&
- Danish CRS 2006 – The Danish Civil Registration System. A Cohort of Eight Million Persons // Danish Medical Bulletin. 2006. Vol. 53 (4).
- Destatis 2021 – Press Release No. 227 of 7 May 2021 // Statistisches Bundesamt (Destatis). https://www.destatis.de/EN/Press/2021/05/PE21_227_p001.html
- EU Notes 2019 – EU Legislation on the 2021 Population and Housing Censuses. Explanatory Notes. 2019 Edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019.
- Handbook PHC 2022 – Handbook on Registers-Based Population and Housing Censuses. Ver.: Dec. 2022 / Statistics Division (UNSD) of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations. N.Y.: UN, 2022.
- Scandinavia 2013 – Scandinavia's Population Groups Originating from Developing Countries: Change and Integration. Copenhagen: TemaNord, 2013.
- Summary EDPS 2023 – Summary of the Opinion of the European Data Protection Supervisor on the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Statistics on Population and Housing // Official Journal of the European Union. 2023. Vol. 66. C. 123.
- The Importance 2023 – The Importance of the American Community Survey and the Decennial Census // United States Census Bureau. 2023. <https://www.census.gov/programs-surveys/acs/about/acs-and-census.html> (дата обращения: 26.06.2023).
- Wismer 2003 – Wismer K. Use of Registers in Social Statistics in Denmark // Expert Group Meeting on Setting the Scope of Social Statistics. Statistics Division, United Nations ESA/STAT/AC.88/07. N.Y., 2003.

Научная литература

- Бубликов В.В. Украинская идентичность в России накануне 2022 года // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 142–161. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/142-161>
- Бубликов В.В., Ермак Г.Г. Полиэтничность: от теоретических концепций к практике // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 7–16. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/7-16>
- Бубликов В.В., Свидовская А.С. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 99–120. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-3/99-120>
- Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Ефремов И. Кто нарушил этническое равновесие в России? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3 (1). С. 94–113. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1765>
- Октябрьская И.В., Крикау Л.В., Антропов Е.В. “Мы украинцы, хотя пишемся русские...”: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX – начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4. С. 221–227.

- Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.
- Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 64–73.
- Тишков В.А. Вместо введения. Как оказалась возможной этнография переписи? // Этнография переписи – 2002 / Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: ОАО “Авиаиздат”, 2003. С. 1–42.
- Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.
- Brubaker R. Ethnicity, Race, and Nationalism // Annual Review of Sociology. 2009. Vol. 35. P. 21–42. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115916>
- Decimo F., Gribaldo A. (eds.) Boundaries Within: Nation, Kinship and Identity among Migrants and Minorities. Cham, Switzerland: Springer, 2017.
- Dyb E. Counting Homelessness and Politics: The Case of Norway // European Journal of Homelessness. 2017. Vol. 11 (2). P. 15–37.
- Dyb E. Reinventing Homelessness through Enumeration in Norwegian Housing Policies: A Case Study of Governmentality // Housing, Theory and Society. 2021. Vol. 38 (5). P. 564–579. <https://doi.org/10.1080/14036096.2020.1867235>
- Emigh R.J., Riley D., Ahmed P. Antecedents of Censuses from Medieval to Nation States. How Societies and States Count. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.
- Friberg J.H. Who Wants to be Norwegian – Who Gets to be Norwegian? Identificational Assimilation and Nonrecognition among Immigrant Origin Youth in Norway // Ethnic and Racial Studies. 2021. Vol. 44 (16). P. 21–43. <https://doi.org/10.1080/01419870.2020.1857813>
- Gil-White F.J. Are Ethnic Groups Biological “Species” to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories // Current Anthropology. 2001. Vol. 42 (4). P. 515–554. <https://doi.org/10.1086/321802>
- Hermannsdottir J., Kristensen L. Norway. Counting the Homeless – Improving the Basis for Planning Assistance. Synthesis Report. Peer Review in Social Protection and Social Inclusion. Vienna, 2009.
- Hirschfeld L.A. Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child’s Construction of Human Kinds. Cambridge: MIT Press, 1996.
- Levitan K. A Cultural History of the British Census: Envisioning the Multitude in the Nineteenth Century. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.
- Morning A. Ethnic Classification in Global Perspective: A Cross-National Survey of the 2000 Census Round // Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics / Eds. P. Simon, V. Piché, A.A. Gagnon. Cham: Springer, 2015. P. 17–37. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8_2
- Petersen W. Politics and the Measurement of Ethnicity // The Politics of Numbers / Eds. W. Alonso, P. Starr. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1987. P. 187–234.
- Simon P. “Ethnic” Statistics and Data Protection in the Council of Europe Countries. Study Report (Institut National d’Etudes Démographiques). Strasbourg: Council of Europe, 2007.
- Simon P., Piché V., Gagnon A.A. (eds.) Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics. Cham: Springer, 2015. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>
- Smith A.D. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. L.: Taylor & Francis, 2003.
- Söllner R., Körner T. The Register Census: Objectives, Requirements and Implementation // WISTA Wirtschaft und Statistik. 2022. No. 4. P. 14.
- Thygesen L.C., Ersbøll A.K. Danish Population-Based Registers for Public Health

and Health-Related Welfare Research: Introduction to the Supplement // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2011. Vol. 39 (7). P. 8–10.

Tomasello M. The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge: Harvard University Press, 2009.

Wimmer A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Research Article

Bublikov, V.V., E.A. Varshaver, and V.V. Stepanov. Deconstruction of Population Censuses: Comments and Considerations [Dekonstruksiia perepisei naseleniia: kommentarii i rassuzhdeniia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 4, pp. 212–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040097> EDN: HJPWNK ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vasily Bublikov | <http://orcid.org/0000-0001-5899-1028> | v.bublikov@mail.ru | independent researcher (Chicago, IL, USA)

Evgeni Varshaver | <http://orcid.org/0000-0002-5901-8470> | varshavere@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Valery Stepanov | Scopus ID 7402659994 | eawarn@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

population census, constructivism, primordialism, nationality, ethnicity, national identity, multiple identity, ontology

Abstract

The article presents a critical discussion of arguments made by V.A. Tishkov in his essay on “Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses” [O perepisyvanii narodov, ili dekonstruktsiia perepisei naseleniia] where the author, taking the approach of social constructivism, examines the practices and experience of conducting population censuses in various countries, reviews the outcomes of the 2020–2021 Census in Russia, makes suggestions about the principles of census organization in regard to recording information on ethnicity, nationality, and language, and advances propositions and recommendations on studying the ethnic composition of the population and general ways of understanding ethnicity. These issues are addressed and scrutinized in contributions by V.V. Bublikov (“What Exactly Shows the Question about ‘Nationality’ in Russian Censuses?”), E.A. Varshaver (“Census through the Prism of the Constructivist Approach to Ethnicity”), and V.V. Stepanov (“Observed Society: A Register Instead of the Census”)

References

- Brubaker, R. 2009. Ethnicity, Race, and Nationalism. *Annual Review of Sociology* 35: 21–42. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115916>
- Bublikov, V.V. 2023. Ukrainaskaia identichnost' v Rossii nakanune 2022 goda [Ukrainian Identity in Russia on the Eve of 2022]. *Vestnik antropologii* 1: 142–161. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/142-161>
- Bublikov, V.V., and A.S. Svidovskaya. 2022. Rodnoi yazyk i etnicheskaia identichnost'

- sredi russko-ukrainskikh biethnorov v Rossii [Native Language and Ethnic Identity among Russian-Ukrainian Bi-ethnic Population in Russia]. *Vestnik antropologii* 3: 99–120. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-3/99-120>
- Bublikov, V.V., and G.G. Ermak. 2021. Polietnichnost': ot teoreticheskikh kontseptsii k praktike [Multiethnicity: From Theoretical Concepts to Practice]. *Vestnik antropologii* 3: 7–16. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/7-16>
- Decimo, F., and A. Gribaldo, eds. 2017. *Boundaries Within: Nation, Kinship and Identity among Migrants and Minorities*. Cham, Switzerland: Springer.
- Dyb, E. 2017. Counting Homelessness and Politics: The Case of Norway. *European Journal of Homelessness* 11 (2): 15–37.
- Dyb, E. 2021. Reinventing Homelessness through Enumeration in Norwegian Housing Policies: A Case Study of Governmentality. *Housing, Theory and Society* 38 (5): 564–579. <https://doi.org/10.1080/14036096.2020.1867235>
- Efremov, I. 2016. Kto narushil etnicheskoe ravnovesie v Rossii? [Who Has Upset the Ethnic Balance in Russia?]. *Demograficheskoe obozrenie* 3 (1): 94–113. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1765>
- Emigh, R.J., D. Riley, and P. Ahmed. 2016. *Antecedents of Censuses from Medieval to Nation States. How Societies and States Count*. New York: Palgrave Macmillan.
- Friberg, J.H. 2021. Who Wants to Be Norwegian – Who Gets to Be Norwegian? Identificational Assimilation and Nonrecognition among Immigrant Origin Youth in Norway. *Ethnic and Racial Studies* 44 (16): 21–43. <https://doi.org/10.1080/01419870.2020.1857813>
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress.
- Gil-White, F.J. 2001. Are Ethnic Groups Biological “Species” to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories. *Current Anthropology* 42 (4): 515–554. <https://doi.org/10.1086/321802>
- Hermansdottir, J., and L. Kristensen. 2009. *Norway. Counting the Homeless – Improving the Basis for Planning Assistance*. Synthesis Report. Peer Review in Social Protection and Social Inclusion. Vienna.
- Hirschfeld, L.A. 1996. *Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds*. Cambridge: MIT Press.
- Levitan, K. 2011. *A Cultural History of the British Census: Envisioning the Multitude in the Nineteenth Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Morning, A. 2015. Ethnic Classification in Global Perspective: A Cross-National Survey of the 2000 Census Round. In *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*, edited by P. Simon, V. Piché, and A.A. Gagnon, 17–37. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8_2
- Oktiabr'skaia, I.V., L.V. Krikau, and E.V. Antropov. 2015. “My ukraintsy, khotia pishemsia russkie...”: etnicheskie protsessy v srede ukraintsev stepnoi zony Zapadnoi Sibiri XX – nachala XXI veka [“We Are Ukrainians, But Indicate as Russians...”: Ethnic Processes among the Ukrainians of the Steppe Zone of Western Siberia in the XX – Beginning of XXI Century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4: 221–227.
- Petersen, W. 1987. Politics and the Measurement of Ethnicity. In *The Politics of Numbers*, edited by W. Alonso and P. Starr, 187–234. New York: Russell Sage Foundation.
- Simon, P. 2007. “Ethnic” Statistics and Data Protection in the Council of Europe Countries. Study Report (Institut National d'Etudes Démographiques). Strasbourg: Council of Europe.
- Simon, P., V. Piché, and A.A. Gagnon, eds. 2015. *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>

- Smith, A.D. 2003. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*. London: Taylor & Francis.
- Söllner, R., and T. Körner 2022. The Register Census: Objectives, Requirements and Implementation. *WISTA Wirtschaft und Statistik* 4: 14.
- Stepanov, V.V. 2019. Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziiia Rossii [Measuring the Cultural Diversity of Russia]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziiia. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnic Statistics], edited by M.Y. Martynova and V.V. Stepanov, 140–154. Moscow: IEA RAN.
- Stepanov, V.V., and V.A. Tishkov. 2005. Rossiia v etnicheskom izmerenii (po rezul'tatam perepisi 2002 g.) [Russia in Its Ethnic Dimensions (2002 Census Results)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 9: 64–73.
- Thygesen, L.C., and A.K. Ersbøll. 2011. Danish Population-Based Registers for Public Health and Health-Related Welfare Research: Introduction to the Supplement. *Scandinavian Journal of Public Health* 39 (7): 8–10.
- Tishkov, V.A. 2003. Vmesto vvedeniia. Kak okazalas' vozmozhnoi etnografiia perepisi? [In Place of the Introduction: How Did Ethnography of the Census Become Possible?]. In *Etnografiia perepisi – 2002* [Ethnography of Census – 2002], edited by E. Filippova, D. Arel, and K. Gusef, 1–42. Moscow: OAO “Aviaizdat”.
- Tishkov, V.A., and E.F. Kisriev. 2007. Mnozhestvennye identichnosti mezhdu teoriei i politikoi (primer Dagestana) [Multiple Identities between Theory and Politics (the Case of Dagestan)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 96–115.
- Tomasello, M. 2009. *The Cultural Origins of Human Cognition*. Cambridge: Harvard University Press.
- Varshaver, E.A. 2022. V lovushke dvoinoi irrelevantnosti: (vos)proizvodstvo etnichnosti vo vzaimodeistviiakh mezhdu perepischikami i perepisyvaemymi v khode vs Rossiiskoi perepisi 2021 g. v Dagestane [Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 4: 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Wimmer, A. 2013. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.